

ФОРМУЛА “СУВЕРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ”: ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

М.П. Одесский

1. Формула “суверенная демократия” как дефиниция государственного строя современной России была вначале предложена влиятельным представителем Президентской администрации, а затем поставлена под сомнение другим представителем, не менее влиятельным. Высший арбитраж не был задействован. Президент Владимир Путин не демонстрировал к этой формуле особой симпатии. Начались споры. Политолог Вячеслав Никонов несколько пренебрежительно свел к “филологическим играм” попытку толковать новую формулу и выяснять, какой компонент важнее – “суверенитет” или “демократия”. Никонов утверждал, что в данном случае власть заинтересована не в канонизации конкретной формулы, а в дискуссии, в поиске идеологического самоописания (С.16). Однако второй тезис противоречит первому. Если формула “суверенная демократия” выражает поиск официальной идеологии, то (независимо от ее каноничности и/или дискуссионности) она именно должна подвергнуться – далеко не “игровой” – процедуре филологической интерпретации.

2. Формула “суверенной демократии” вполне закономерно вызвала сомнения, потому что она явно тавтологична. В русском словосочетании – как, кстати, и в итальянском – связь определяемого слова с определением отражает логические отношения субстанции с ее признаком (С.290). Если “демократия” – субстанция и “суверенность” – признак, то подразумевается, что “демократия” может характеризоваться признаком “суверенности”, а может – не характеризоваться. Однако это не так. Французский правовед Жан Боден, который собственно ввел термин “суверенитет” в культурный тезаурус, отождествлял суверенитет с верховной властью. Суверенитет «заключается в пяти функциях. Первая, и это принципиально, сводится к назначению магистратов (должностных лиц – *М.О.*) и определению служебных обязанностей для каждого. Вторая – принятие, отмена и обнародование законов. Третья – объявление войны и заключение мира. Четвертая – высшая судебная инстанция для всех магистратов и граждан. Последняя функция – право карать и миловать в тех случаях, когда сам закон не предоставляет возможности для помилования или смягчения наказания» (С.151–152). основополагающие трактаты Бодена были написаны в 1560–1570-х годах – в трагическую эпоху религиозных войн, предельного ослабления институтов власти. Боден полемически стремился доказать

принципиальное верховенство власти над теми институтами, которые представляют власть в конкретном государстве. Власть суверенна при любой форме государства: как при монархии, так и при демократии. В XVI веке – во Французском королевстве – подобный тезис мог шокировать. Слово «суверенитет», образованное от слова «суверен» – властитель, монарх (ср. итальянское *sovrano*), никак не ассоциировалось с демократией – властью народа. Поэтому Боден акцентировал: «Народная форма правления является ни чем иным, как частью суверенитета» (С.239). Таким образом – со времен Бодена – поскольку демократия есть форма государства, постольку она есть форма суверенитета, постольку она суверенна. И никак иначе: несuverенной демократии не может быть.

3. В современной лингвистике, однако, успешно разработано учение о различных функциях языка. При этом базовая функция языка – коммуникативная – оказывается отнюдь не единственной: наряду с коммуникативной (и другими функциями) существует экспрессивная функция языка. Именно она характерна для идеологии, политики и т.п. сфер общественного бытия. Установка на экспрессию – в отличие от установки на коммуникацию – способна трансформировать логические отношения субстанции и ее признака (мотивирующие связь в словосочетании определяемого слова с определением). Как было показано в образцовом исследовании языка советской эпохи (монография Афанасия Матвеевича Селищева, 1928), воздействие экспрессивной функции выражается не столько в эмоциональности эпитетов (типа «революционный», «красный», «народный») – эта эмоциональность по причине неизбежной повторяемости быстро автоматизируется и перестает ощущаться – сколько в специфической, так сказать, «нелогичной» связи эпитета с определяемым словом (С.180–181). Формула «суверенная демократия» явно предназначена не для научного, а скорее для идеологического употребления. «Суверенная демократия» не историческая дефиниция, а идеологема, что предполагает обязательную оценочность. Эту формулу продуктивно интерпретировать в рамках не коммуникативной, но экспрессивной функции языка. При подобном подходе указание на тавтологичность и т.п. логические несообразности не итог, а начало филологической процедуры.

4. Продолжая анализ формулы “суверенная демократия”, можно констатировать, что термин “суверенность” прежде всего привычно имеет “международный”, “внешнеполитический” смысл (по Бодену, прерогатива суверенитета – «объявление войны и заключение мира»), обозначая независимость государства. Демократия есть форма государства, в идеале отличительный признак государства – независимость, значит, в идеале любая демократия суверенна и, с точки зрения коммуникативной функции языка, определение “суверенная демократия” – снова тавтологично. Напротив, в рамках экспрессивной функции языка, эпитет “суверенный” наделен ясным содержанием. Будучи востребован на фоне “цветных” революций, этот эпитет декларирует не государственную независимость Российской Федерации (в которой, естественно, никто не сомневается), а

идеологическую установку на независимую – свободную от диктата США и их союзников – внешнюю политику. Согласно “суверенному” ходу мысли, только та демократия – действительная демократия, которая действительно (а не формально) независима, суверенна. Как писал Макиавелли: “... non puo essere buone legge dove non sono buone arme, e dove sono buone arme conviene sieno buone legge...” – “...хороших законов не бывает там, где нет хорошего войска, и наоборот, где есть хорошее войско, там хороши и законы...” (“Государь”, гл.12).

5. Независимость внешней политики подразумевает независимость в толковании демократии – право на адаптацию известных демократических принципов применительно к историческому своеобразию России, к традициям ее государственности. С этой точки зрения, формула “суверенная демократия” напоминает советскую формулу “народная демократия”. Формула “народная демократия” была так же (еще более) тавтологична (буквальный перевод: “народная власть народа”) и так же наделена ясным идеологическим содержанием: она обозначала восточноевропейские государства, входившие в социалистический лагерь, то есть отказавшиеся от ориентации на западную модель демократии. В современной России формула “суверенная демократия” – **декларация оригинального понимания своего государственного строя.**

6. В сфере внутренней политики эпитет “суверенный” декларирует независимость, готовность противостоять различным группам влияния: “олигархам”, “регионалистам”, – вплоть до противостояния государственным служащим, бюрократическому аппарату. В этом отношении экспрессивное содержание формулы “суверенная демократия” родственно другой современной формуле – “диктатура закона”. Подобная интерпретация не противоречит историческому содержанию понятия “суверенитет”. Боден утверждал, что суверенность власти выражается в таких ее прерогативах, как назначение должностных лиц, «определение служебных обязанностей для каждого» и «принятие, отмена и обнародование законов». Тем самым правовед постулировал неподотчетность суверенной власти ни административным институтам, ни закону. Проще говоря, **«внутриполитический» смысл формулы «суверенная демократия» близок к формуле «стабильное государство»**, популярной среди американских политологов. Близость тем более убедительна, что Россия, как известно, весь второй срок Путина существует под знаком «проблемы 2008 года», а «стабильность» занимает американских экспертов преимущественно в связи с осмыслением смены государственного курса вследствие выборов. По словам Майкла Мези, «для стабильного государства характерны разделяемое чувство принадлежности к нации, преимущество форм управления и постепенная и упорядоченная смена правящих элит» (С.23–24). Согласно Мези, «политической стабильности грозит опасность, когда народное недовольство направляется против политических институтов и официальных лиц страны. Сильные и эффективные политические институты могут уладить недовольство прежде, чем это

перерастет в политическую нестабильность. Слабые политические институты менее способны справляться с недовольством, результат чего – нестабильность» (С.27–28). В российской формуле «суверенность» – та же «стабильность», но более уверенно, «наступательно» провозглашенная.

7. Итак, “суверенная демократия” – в рамках экспрессивной функции языка – выражает **установку на (1) внешнюю политику, не совпадающую с политикой Запада; (2) специфичность самоописания российской государственности; (3) идеал внутривнутриполитической стабильности.** Вместе с тем, это толкование никак не отменяет начального тезиса о том, что – в рамках коммуникативной функции языка – формула “суверенная демократия” нелогична. Подобное двойственное бытование отражает как очевидное несовершенство формулы «суверенная демократия», так и ментальную ситуацию, показательную для современного цивилизованного мира. Культурологи определяют эту ситуацию как “постмодернизм”, что подразумевает кризис тоталитарного, убеждающего слова, шире – кризис слова. Однако правомерно прогнозировать, что девальвация слова приведет Россию – как и страны Запада – не к отказу от идеологических формул, а к активизации их производства, к попыткам подменить политику оптимизацией политических технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боден Ж. Метод легкого познания истории. М., 2000. «Памятники исторической мысли».
2. Мези М. Конгресс в системе президентской власти США// Разделенная демократия: Сотрудничество и конфликт между Президентом и Конгрессом/ Под ред. Дж. Тарбера. М., Прогресс, 1994.
3. Никонов В. “Филологические игры. Теоретического смысла в них нет”// Политический журнал. 2006, 25 сентября (№35/36).
4. Селищев А.М. Труды по русскому языку. М., 2003. Т.1: Социоллингвистика. «Классики отечественной филологии».
5. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М., 2001. «Лингвистическое наследие XX века».
6. Machiavelli N. Il principe. Milano, 2004. Biblioteca Universale Rizzoli.